

ТРАДИЦИИ

И СТРЕМЛЕНИЕ К ОРИГИНАЛЬНОСТИ

Областное совещание молодых литераторов, состоявшееся 24–25 мая 2018 года в Воронеже, заставило меня вспомнить аналогичные совещания еще советского периода. Я ведь тоже был молодым начинающим писателем. И теперь мне как одному из руководителей семинаров прозы, интересно провести некоторые параллели с тем временем и выявить различия.

Ну, конечно, мы, как и сегодняшние молодые, сомневались в себе, прислушивались к рекомендациям, искали одобрения... Для подавляющего числа участников темой их произведений была сама непосредственная жизнь, проживаемая здесь и сейчас и имевшая сатирические и драматические оттенки. Возраст авторов был примерно одинаков — в диапазоне от 20 до 30 лет.

Молодых людей сегодня, как мне показалось, больше интересует не «проза жизни», а фантазия, стремление вырваться из окружающего быта, придумать что-то необычное. Желание оригинальности в данном случае подразумевает наличие каких-то идей, а не только стилистических экспериментов, часто оказывающихся всего лишь манифестами.

Одним словом, тематика произведений молодых значительно расширилась, также расширились и возрастные рамки участников совещания: от еще школьников до людей, уже имеющих детей.

Студент факультета журналистики Воронежского госуниверситета Глеб Зверев представил на совещании четыре рассказа. Самым удачным и интересным оказался рассказ «Валюта», который по жанру можно отнести к антиутопии. В уже достаточно хорошо освоенной литературой теме (достаточно вспомнить Замятина, Оруэлла) Глеб сумел найти какие-то свои ходы, нащупать нерв настоящего времени, парадоксально созвучный с предполагаемым будущим. В фантастическом допущении автора изображено время, когда слова станут валютой, деньгами. И если у тебя кончились слова (деньги), то ты не только не сможешь ничего купить, но не сможешь и говорить. Больше всего слов, а значит и денег, имеют те, кто находится у власти, кто устанавливает правила жизни и следит за их исполнением. Вынужденное молчание в рассказе Глеба Зверева становится символом подавления свободы выражения, ограничения прав человека.

Глеб Зверев впервые принял участие в совещании молодых литераторов, его работы отличает лаконизм и внешняя скупость стиля.

Евгений Гнездилов уже принимал участие в семинарах совещания. На этот раз он представил рассказ «Рабочие будни», в котором использует свой опыт работы в компьютерном салоне. Это последовательный ряд сценочек, в юмористическом ключе описывающих проблемы, возникающие у обладателей ноутбуков и планше-

тов. Главный герой, от лица которого ведется повествование, вступает в борьбу с вирусами, которые материализуются и чинят ему разнообразные козни. По манере и подаче это произведение заставляет вспомнить творчество братьев Стругацких, в частности, повесть «Понедельник начинается в субботу».

Было бы интересно узнать, как Евгений Гнездилов работает в каком-нибудь другом жанре, кроме юмористической фантастики, скажем, в реалистической бытовой прозе.

«Онейрон» Станислава Ржевского рассказывает о том, как ирреальное вторгается в действительность. Это его излюбленная тема, заявленная еще на предыдущем совещании. И наоборот, рассказ Елены Дубровиной «Батюшка из Луганска», одно название которого уже говорит за себя, посвящен болевым событиям современности.

Все перечисленные авторы находятся в разной степени творческой оснащенности, у них есть желание работать, они хотят, чтобы их голос был услышан. И тут нельзя совершенно определенным образом сказать, что из кого получится, а на ком можно поставить крест. Жизнь сложна и многогранна, творчество вещь вообще непонятная, больше похожая на полноводную реку или манящий своими глубинами океан. Так что, поживем-увидим.

Виктор НИКИТИН

Елена Дубровина

БАТЮШКА ИЗ ЛУГАНСКА

В алтаре воцарилось молчание: батюшка запнулся. Он еще не привык произносить молитву за Россию и за русский народ, поминать имя другого митрополита. Совсем недавно там, в Луганске, где он родился и где думал умереть, всегда молился за Украину, за местного епископа, «за власти и воинства ея».

Батюшка растерялся и достал листочек с подсказкой, но строчкиплыли. Хотелось рыдать.

Он не думал уезжать, собирался до конца разделить участь своей паствы, но так сложилось. Дом разбомбили, да что там дом, — все родное селение превратили в полигон. Не стало прихода и некуда податься: кругом сумятица. Ему ли в ополченцы?..

Отслужил батюшка молебен над пепелищем, да и отправился в Россию с детьми, с больной женой. То ли беженцем, то ли «политическим эмигрантом»...

Он здесь и сейчас. Он жив.

А закрой глаза, и вот они, страшные картины... Скоро ли все это затянется, отлегло? То и дело казалось, вот-вот проснешься, и нет ничего, а это: бомбежки, пламя огнеметов, вой ракет — всего лишь затянувшийся американский боевик...

Против русских на Украине настраивали десятилетиями. Да что и говорить, капля камень точит. Вот и у батюшки после бомбежек Луганска, случалось, возникала мысль, а как вдруг киевская пропаганда не врет, и это русские самолеты приносили к ним смерть?.. Но перекрестится, — и сомнения отпускали его.

Он здесь и сейчас. Служит. Ведь это самое любимое дело на свете! На руинах своего прихода он уже и не чаял когда-нибудь воскликнуть: «Благословенно Царство Отца, и Сына, и Святаго Духа!»

Батюшку приняли как родного. Он все еще порывался куда-то мчаться, сосредоточенно принимать решения, по привычке, но уже все опасности были позади, а от него теперь требовалась лишь сосредоточенная молитва. Здесь мир. Он в России...

Батюшка с облегчением вспомнил, что скоро диакон выйдет на амвон и, поминая всех православных христиан всей вселенской Церкви, живущих на этом свете и покинувших его, произнесет молитву о водворении мира на Украине. От этих мыслей стало легче.

Батюшка не раз с горечью говорил с амвона пастве: «Не к добру вокруг множатся униаты, баптисты, сайентологи и язычники... Не к добру. Храмов-то много, да чьи они теперь? Не отступайте от веры православной, миленькие! Держитесь! Кто нас хочет уничтожить, спрашиваете? Да мало ли чьими руками, умами и словами действует враг рода человеческого? И не всегда жестоко, он и благотворительно любит, и этикет, и здравый смысл, и даже мораль. Христа он не любит и христиан. Комом в горле у него Православие и православные!»

Когда батюшка впервые приехал сюда, весь причет церковный собрался в трапезной, чтобы послушать историю о наблевшем. Ему говорить не хотелось, но все ждали. Когда же выговорился, стало легче. Батюшка взглянул на весь ужас со стороны, вспомнил убитых и раненых и прославил Бога, ведь ему сильно повезло...

В тот вечер засиделись. На улице стемнело, а беседа иссякать не хотела. Одна прихожанка начала восторженно рассказывать о чудесах, и что, по слухам, их теперь особенно много на Украине.

Батюшка, естественно, не мог не вразумить:

— Милая моя, чудеса нельзя ни принимать, ни отвергать. Нам неизвестно от Бога они или нет. Настоящее чудо — это мир! Настоящее чудо — это любовь среди нас! Любовь — это топливо, Бог нам его в сердца вливает, чтобы мы жили. Чтобы хватило нам самим и нашим ближним, а мы ее несправедливо почитаем своим личным приобретением. А это самое настоящее чудо! И этому мы перестали удивляться. Вот заберет любовь, что мы будем делать? Давайте же поблагодарим за эту ми-

лость! — батюшка встал перед иконой, чтобы помолиться и закончить беседу.

Но женщина не унималась:

— Знаю, отче. А вы все-таки ничего такого не видели?

Батюшка вздохнул и ответил:

— Настоящее чудо это то, что у меня семеро здоровых деток. Жена каждого выносила без помощи врачей, а ведь у нее с детства порок сердца!

Воцарилось молчание.

Но женщина снова задала вопрос, правда, уже не так решительно:

— Как же так, вы молитесь, молитесь, а святые что ж молчат?! Разве вам не было утешения?

Батюшка снова сел за стол и начал рассказ:

— Сам я, грешник, ничего не видел. Есть случай, мне его поведал священник-ополченец. Был среди них мусульманин, а потом вдруг попросился креститься с именем Спиридон. Его командир ругает, мол, как я тебя буду по радию вызывать? «Тогда Онуфрием, — говорит тот. — Нет, давай уж лучше Спиридон». Потом вдруг выяснилось, что день крещения того мусульманина совпал с днем празднества Спиридона Тримифунтского. Вот как к нам близки Бог и святые Его! И, кстати, этот парень не ждал чуда, которое после крещения ему все-таки дано было увидеть. Ребята под каски повязывали ленточки с живыми помощами, так вот одному пуля пробила каску и отрикошетила, вышла обратно из отверстия! На ленточке дырочка, а на лбу шишка. Вот вам сила веры!

— А я от беженцев слышал, сама Божья Мать там у вас многим является, — аккуратно заметил пономарь.

— Да, и я слышал... — подтвердил батюшка. — Было вроде так. Из алтаря вышла Женщина, очень просто одетая, и говорит: «Постреляют-постреляют, и успокоятся». И обратно ушла. Опомнились мужики, как, мол, «баба» в алтаре-то? Кинулись, а там никого.

— И что? — в изумлении открыв рот, спросила любопытная женщина.

— Как что? А как нас святые отцы учат? Не принимать и не отвергать, — ответил батюшка и улыбнулся.

Беседа пошла о чудесах.

Снова подали чай. Вдруг любопытная женщина вскрикнула. Она выглядела бледной и испуганной: как замороженная, с ужасом смотрела на окно возле входной двери. На улице было уже темно, но из окна струилось голубоватое свечение. Все смолкли, наблюдая за необъяснимым явлением.

Тут дверь медленно отворилась.

— Ох! — воскликнул сторож с фонариком в руках, — думал воры, а это вы тут!..

Батюшка улыбнулся, вдруг сердечно почувствовав, как все эти люди, причт и прихожане, как все они ему дороги, это его семья, а роднит их Христос. «Национальность наша — христианин, а Родина наша — Небесный Иерусалим», — решил он для себя и облегченно вздохнул.

В трапезной стало тихо. Прихожане замерли. Ни звука... Всяк задумался: пусть батюшка знает — он дома. Мы же понимаем, ему нелегко...

ВАЛЮТА

Я проходил мимо школы. До меня доносились веселые крики и разговоры детишек. Они весело что-то обсуждали. Они говорили. Сбивались в кучки, смеялись. Шептали друг другу на ухо или кричали через всю улицу. Это было единственное место, откуда доносились какие-либо звуки. И вот школа осталась позади, и я погрузился в тишину. Ну, как тишину, если не считать гудения автомобилей, шума ветра, звуков, доносившихся со стройки, было тихо. Мимо меня суетливо проносились люди, бросали косые взгляды и бежали дальше. И все молча. Все берегли слова. Слова.

Я глянул на наручные часы, на которых под маленькими цифрами — временем — располагались жирные, большие цифры, обозначающие слова. Количество слов. Количество моих слов. Всего семьсот тридцать слов. Всего семьсот тридцать. А надо еще зайти в магазин, купить чего-нибудь покушать, еще бы хотелось сегодня поговорить наконец-то с Аней. Уже два дня ничего ей не говорю, только слушаю ее иногда. Она тоже бережет свои слова. Иначе нам с ней будет не на что есть. Недавно она мне рассказала историю со своей работы. Это было упоительно. Я так скучаю по ее историям, она очень талантливо рассказывает. Иногда смешно, иногда грустно. Жаль, что так редко мы говорим. Мы просыпаемся и даже доброго утра не пожелаем друг другу.

Доброе утро — это же целых два слова, проезд на автобусе стоит десять. Слова надо беречь. И сейчас я шел пешком домой, чтобы сберечь эти десять слов и сказать ей, как соскучился и люблю ее. Конечно, ездить на автобусах безопасней. Тем более что в районе мы живем не самом лучшем. Здесь чуть ли не самый расцвет криминала, зато квартиры самые дешевые. Всего пять с половиной тысяч слов в месяц. Приходится снимать квартиру на двоих. Один бы я оплатить не смог.

Сегодня заработал только пятьсот слов. Начальник вообще оборзел. Мы разгрузили целый вагон цилиндров со словами в банке, а нам дали всего лишь по пятьсот. Конечно, было желание умыкнуть несколько слов. Хотя бы тысчонку. Но я спасовал. Испугался. Ну ладно. Завтра опять туда пойдем. Опять разгружать. Может, завтра побольше получится выпросить. Хотя как их выпросить, когда нам молча дают слова, и не хочется говорить, не хочется возражать. Это же лишние слова. Это же лишние траты, которые мне никто не компенсирует. Которые улетят на ветер, ведь начальник-то даже не ответит, свои слова зажмет. Гад. Вот поэтому приходится молча брать слова, и молча идти домой, где молча будешь смотреть на свою любимую, не в силах с ней поговорить, не в силах признаться в любви, не в силах вообще что-то сказать. Поэтому я и завидую детям. У них еще нет лимита. До четырнадцати лет не ставят лимит. Детки учатся. Они могут говорить. Но как только достигаешь возраста четырнадцати лет, тебе надевают часы. Дают десять тысяч слов, ты по распределению попадаешь на работу, уже молча. Уже с тобой перестают говорить. Только ты пока не можешь отвыкнуть, и почти пять тысяч слов улетают в никуда. Остается еще пять, которые спускаешь до первой зарплаты, и вот ты немой. Просто не можешь говорить. Молчишь. Открываешь рот,

как рыба на воздухе, а сказать не в силах ничего. Ни одного слова, только нечленораздельные звуки. Вот тогда-то, когда ты уже был немой, когда нечего было есть, получив зарплату, начинаешь ценить слова. Эту драгоценность. Это — единственное, что у тебя есть из самого дорогого. Начинаешь жить от зарплаты до зарплаты, как немой. Зато практически ни с кем не ругаешься, не ссорисься. Просто молча, сторбившись, идешь выполнять свою задачу. Конечно, есть миллиардеры, у которых просто огромные кучи слов. Они говорят, они поют, они не замолкают вообще. И это чудесно. Я как-то видел такого, он не замолкал ни на секунду. Говорил все время. Это был хозяин банка, в котором я занимаюсь разгрузкой погрузкой.

Это нововведение придумали для того, чтобы уменьшить преступность, ссоры, недопонимания и многое другое. Конечно, может быть, это и сработало, но преступности меньше не стало. Да и понятно всем, для чего это делалось. Всем все понятно. Чтобы народ не говорил про власть лишнего. У них это получилось. Только вот живется нам теперь не лучше.

Я зашел в магазин. Взял хлеба, макарон, яиц, еще кое-каких вещей для дома, оставил на кассе двести семьдесят девять слов. Может, хоть сегодня скажу Ане что-нибудь. Скажу, что люблю ее. Точно. Скажу. Уже два дня вообще рот не открывал. Я зашел в арку. Не люблю это место. Двор впереди нехороший. Там постоянно что-то случается. Меня начало обуревать плохое предчувствие, и я не ошибся. Передо мной выскочил человек в маске, наставил пистолет и сказал только одно:

— Слова!

Я замахал головой, посмотрел на него грустными глазами. Он только покачал головой, уперся дулом пистолета в лоб, схватил мои часы и перевел себе практически все слова. Когда он убежал, я со слезами на глазах посмотрел на часы. Всего десять. Всего десять слов. Только десять.

Я сел на асфальт, облокотившись о стену дома. Заплакал. Слов и так нет, да еще и обокрали. Черт. Черт! И главное уже не сделаешь с этим ни-че-го. Остается только молчать. А что сделать еще. Идти в полицию? И как я им объясню, что меня обокрали? У меня только десять слов-то и осталось. На пальцах?

Я поднялся и отправился домой. По грязному, запачканному подъезду, в котором постоянно воняет мочой, а стены разрисованы всякими лозунгами, типа «долой власть», «дайте народу слово», я поднялся на четвертый этаж и зашел домой. Разулся, прошел на кухню, оставил там пакет. Затем прошел в комнату, в которой стоял только диван, небольшой шкаф, старый телевизор. На диване сидела Аня. Она кивнула мне вместо «привет», улыбнулась вместо «я люблю тебя», и подмигнула вместо «иди ко мне». Я подошел, сел на диван. Обнял ее, погладил по голове, по волосам, прижался к ней, а она ко мне. Потом глянул в глаза и произнес только одно слово.

— Ограбили.

Она посмотрела на мои часы. Девять слов. Сделала лицо, типа, не расстраивайся, все будет хорошо. Я взглянул на нее. Всего триста восемь. Сегодня опять мало. Она работает учителем. Им выдают безлимит, когда они приходят в школу, так как детей надо учить, после выхода безлимит отбирают, выдают зарплату, но вот только дети не понимают, что она уже не может говорить, и все докучают ее вопросами, а она не может сдержаться — отвечает.

Я посмотрел на нее, глянул на свои часы и прошептал ей на ухо:

— Я тебя люблю!

Она подняла на меня глаза, в которых начали проступать слезы.

— Я тебя люблю!

Первая слеза скатилась по щеке и упала на мою ладонь.

— Я люблю тебя!

Она плакала навзрыд. Ревела, не могла остановиться, только повторяла:

— Я тоже! Я тоже!

После того как она проплакалась, мы молча лежали, смотрели друг на друга, потом обнимались, целовались, провели страстную ночь и уснули.

Утром она проснулась первая. Просто кивнула мне, я кивнул ей в ответ. Мы скудно позавтракали, и я пошел на работу.

Весь день я думал. Я размышлял, пытался решиться и решился. Я сунул небольшой контейнер со словами себе за пазуху. Я хотел поговорить с ней. Я устал так. Отработав весь день, все время переживая, что попадусь на краже, получил опять свои пятьсот рублей. Посмотрел на начальника. Опять пятьсот. Обманывают нас. Вспомнил про украденные слова и решил ответить ему наконец-то:

— Обманываешь нас, скотина! Обманываешь, сука! Недолго тебе ликовать.

Все смотрели на меня с ошарашенными глазами, начальник — тем более. Он обалдел от того, что я трачу свои слова, и от того, что я ему сказал. А я просто, молча, развернулся и ушел. По дороге достал контейнер со словами. Перевел половину себе на часы. Пятьдесят тысяч. Этого хватит, чтобы наговориться с Аней. Нам точно хватит. Зашел в магазин. Взял вино, закуски, всякой вкусной и дорогой еды. Оставил почти тысячу слов. С довольным видом, когда вся очередь смотрела на меня, вышел из магазина со словами:

— Ну и что? Я сегодня живу.

Пришел домой сегодня первым. Приготовил нам с Аней ужин. Украсил стол. Пришла она. Увидела все это, кинулась мне на плечи. Долго целовались. А потом я сказал:

— Сегодня мы с тобой говорим! Сегодня наш день. Сегодня можно забыть о количестве потраченных слов. Сегодня только ты и я! Мы вдвоем. И пусть ничего не мешает нам. Ничего. Потому что я тебя люблю. Я тебя люблю больше жизни. Поэтому прости, но я украл слова, потому что хочу поговорить с тобой, ибо я уже так не могу. Не могу.

Она смотрела на меня, пребывая в огромном удивлении. Я никогда не говорил так много слов ей. Никогда. Потом я перевел еще пять тысяч слов ей. Мы сели есть. Мы говорили. Без остановки, наперебой. Смеясь, плача, радуясь. Наверное, весь дом слышал наш залиvistый смех, наши голоса, наши слова, ведь все молчали. Все берегли слова. Но мы сегодня предались веселью. Мы сегодня забыли о них. Сегодня были только я, Аня и слова. Речь. Наша речь.

Мы говорили всю ночь. Даже не смотрели, сколько слов потрачено, сколько осталось. Мы просто говорили. Потом, когда уже уставшие, с закрывающимися глазами, захотели спать, перешли на кровать, где и уснули.

Разбудил нас громкий стук в дверь. Еще, еще и еще. Все громче. Кто это? Обычно к нам никто не приходит, точнее, вообще. А зачем? Помолчать можно и дома. Я поднялся на кровати, и тут дверь сорвалась с петель.

Залетели полицейские. Они забежали к нам в комнату, схватили меня и молча начали связывать. Аню просто держали, чтобы она не дергалась. И все это молча. Я молчал, потому что понимал, за что, и теперь я с этим ничего не поделаю. Полицейские молчали, потому что у них на работе тоже лимит слов. Только отдать команду. Аня молчала, потому что захлебывалась в слезах. Меня вывели на улицу. Поставили перед судебным приставом. На его часах сверкало огромное число. Почти миллион слов.

— Вы обвиняетесь в измене государству! Вы укрыли сто тысяч слов, для агитации населения против власти. Вы осуждаетесь на десять лет строгого режима, будьте добры, сядьте в машину для преследования в отделение.

Меня грубо втолкнули в машину, захлопнули дверь. Последнее, что я увидел в окне машины, это заплаканную Аню, которая выскочила на улицу, — ее не подпускали к машине полицейские.

— Я люблю тебя! — успел крикнуть ей я, прежде чем машина тронулась, увозя меня куда-то, откуда я рисковал никогда не вернуться. Ибо у заключенных отбирают все слова. А потом, молчаливых, хоронят где-то, называя опасными элементами общества. Опасный элемент общества — говорящий человек!

Евгений Гнездилов

РАБОЧИЕ БУДНИ

Вновь звенит назойливо будильник. Я даже не стал открывать глаза, а с глухим стоном дотянулся до своего телефона, что лежал на тумбочке у кровати. Не глядя, выбрал «Отложить». И тут же вырубился.

Спустя пять минут трель вырвала меня из царства Морфея. В этот раз я глаза уже открыл. Первая мысль — а не пора ли встать? Пфф, нет! «Отложить»!

И только на третий раз я наконец-то оторвался от собственной постели. Так всегда. Ну не могу я проснуться от первого звонка. Как говорит, ну еще пять минуточек. Только у меня чуть побольше.

Совершив все утренние дела, я выбрался на улицу. Взгляд упал на часы на левой руке. Без десяти восемь. Успеваю на работу, впрочем, как всегда. Но отойдя от дома метров на тридцать, я понял, что лучше взять зонт, слишком уж тучи черные. Плюнув на возможное опоздание, я вернулся домой. Спустя пять минут выяснилось, что поступил я правильно. Дождь влил просто стеной. Но на моем лице появилась улыбка. Ведь в наушниках заиграла песня: «Here comes the rain again». Совпадение?

Вот я уже на работе. Планерка, шеф раздает указания. Потом почти все сотрудники садятся в машины и уезжают. Они же на выезд работают, а не в магазине. А я и еще несколько продавцов остаются.

День тянется, словно кто-то нажал на пульте замедление. Я смотрю на часы в надежде, что уже прошел хотя бы час, но счет идет на жалкие минуты. Скука смертная. Люди почти не заходят. Я, конечно, понимаю, сейчас не сезон, да к тому же кризис в стране, но все же.

С одной стороны, это даже плюс: можно посидеть и побездельничать. Но не несколько же часов кряду! Когда работаешь, то и время летит незаметней.

В какой-то момент нормально болеть голова, не сильно, но неприятно. А таблетки, как назло, я забыл дома. Конечно, можно сходить в аптеку, до нее несколько минут ходу, но после дождя на улице нестерпимая жара, да к тому же пух, словно снег, вьется в воздухе.

Вдруг зашла девушка и спросила:

— У вас распечатать можно?

Я кивнул, и она протянула мне флешку. Боль слегка ослабла. Я сразу поднял глаза и присмотрелся к посетительнице внимательней. У нее над головой можно было разглядеть стандартный символ — змею и чашу. Ясно, учится в медицинском. А если бы еще и хорошо училась, то у меня вмиг бы головная боль прошла!

Распечатывал я ей курсовую работу. А учитывая, что весь поток студентов почти прошел, то можно с уверенностью сказать, что девушка уже в который раз ее переделывает. И такие, как она, нас еще лечить будут. О, ужас!

После ее ухода время вновь стало медленным-медленным. Но хотя бы уже не так сильно давило на виски.

Спустя где-то полчаса дверь открылась и вошла девчонка лет девятнадцати на вид. На внешность я не особо обращаю внимание, сколько людей уже повидал за несколько лет работы. Так, отметил только, что в принципе достаточно симпатичная. Она попридержала дверь, и за ней прошел мужчина, видимо, отец. Он нес в руках системный блок.

Над головой отца на секунду мелькнуло изображение автомобиля, затем сменившееся гаечным ключом. Ясно, автомеханик, по сути, «брат» по занятию. Только вот я чиню компьютеры. Надо мной можно разглядеть перекрещенные отвертку и флешку на фоне системного блока. Как я себя называю: «Рыцарь флешки и отвертки».

А кто же тогда дочь его? Туман, нет почти ничего. Только в голове раздался школьный звонок. Что?! Она еще школьница?! И это я ей дал лет 19? Боже мой. Как мы шутим с одним товарищем на работе: «Вот проснешься ты с такой утром после бурной ночи, а она попросит тебя проводить ее в школу». И все, капут. Ты мигом становишься седым. Куда катится этот мир...

Заполнил ремонтную квитанцию не я, а Сергей. Но я все равно слышал причину неисправности. Правда, это ничего не дало, потому что показания девчонки были сбивчивыми. То компьютер выключался, то не включался вообще, то зависал, то еще что.

В итоге, когда они ушли, я взял компьютер и понес его к рабочему столу. Только собирался подключить к нему провода, как тут же остановился. Для начала я решил открыть боковую крышку, а то мало ли.

От увиденного мое лицо скривилось. Ядерная зима. Пыль просто в палец толщиной. В носу засвербело, и я замер столбиком, словно сурикат. Главное не чихнуть! Иначе вся эта пыль окажется на мне!

Заметив мое замешательство, через плечо взглянул на системник Серега. Он хмыкнул:

— А с виду такая лапочка.

— И не говори. Это какой же срач в комнате у нее тогда.

Взяв компьютер, я понес его в подсобку. Сейчас придется его чистить. Вооружившись пылесосом и кисточкой, я принялся за работу. Обычно на это уходит минут пять. Но сейчас совершенно другой случай. Каждую деталь внутри системника приходилось откручивать и чистить отдельно.

А в голове роились мысли. Это за что же с компьютером так? Вот к любой бытовой технике нормально относятся, а системник просто пинком

загоняют под стол на несколько лет, совершенно не заботясь о том, что он уже годы напролет без обслуживания. И ведь добивают их, именно добивают. Компьютер будет сам отключаться, если перегревается. Но нет, человек продолжит его включать, и рано или поздно победит умную технику! Он уже, бедный, кряхтит, скрипит, но нет, пускай работает, мне же важнее, а это так, всего лишь железяка.

Сняв кулер, я поскреб ногтем засохшую термопасту. Года три не менялась точно. Я хмыкнул. Может, стоит попробовать себя на археологическом поприще? Все-таки я уже немного шарю в окаменелостях. Очистив старую пасту, я заменил ее на свежую. После чего вернул все на прежние места и пошел включать страдальца.

Но не тут-то было. Крутанулись пару раз вентиляторы, и все, тишина. М-да, как я обычно в таких ситуациях говорю, не будет у нас с тобой любви.

Первым делом я решил проверить блок питания. Отсоединил его от всех деталей и взял в руки небольшую скрепку. Блок сразу понял, что сейчас будет, и досадливо скрипнул, мол, я рабочий! Но мало ли, вдруг он врет. Я замкнул скрепой контакты, и блок заработал. В шуме вентилятора послышалось: «Ну, я же говорил!»

Ладно, едем дальше. Я достал планку оперативной памяти. Она напоминает собой старые сеговские картриджи. Ластиком я прошелся по ее контактам. Планка мелко задрожала и захихикала:

— Ой, цекотно!

Но и это не помогло. Значит, материнская плата. Я потыкал в нее отверткой и спросил:

— Ну что, колотья будешь?

Тишина. Ага, ясно. Взял из ящика спикер — небольшое устройство в виде маленького динамика и контактов, и подключил его к материнской плате. Бросил взгляд на фирму-производитель. «Асус», хорошая вещь. И только после моих манипуляций я услышал ее голос.

— Апчхи! Не буду я колотья! И работать тоже не буду! Апчхи! Ну, ее к черту, эту девчонку! Хотя бы в комнате прибралась! Апчхи! У меня уже аллергия на пыль! Меня не чистили годы напролет! Апчхи! Пускай раскошеляются!

После очередного громогласного чиха, спикер просто вылетел из системного блока и ударился о мой лоб. Кое-как поймав его, я примостил его на прежнее место. Видимо, по-хорошему не получится. С этой мыслью я достал из коробка рядом одну из старых материнских плат и продемонстрировал ее чихальщице.

— Видишь, на ней нет ни одного конденсатора и радиатора. Она уже отжила свое, и все это мы снимали для ремонта. Хочешь, чтобы и с тобой случилось то же самое?

— Апчхи! Пускай! Я уже давно готова предстать перед вратами Валгаллы, дабы вкусить яств вместе с другими эйхериями! Апчхи!

Мои брови удивленно поползли вверх. Ну не фига же себе!

— Ты же вроде китайка. При чем здесь скандинавы?

— Апчхи! А ты что, расист?! У нас свобода вероисповедания!

Я вздохнул. Нет, попадаются мне подобные пациенты. Но это что-то новенькое. Ладно, знаю я этих своенравных Асусов. Знаю, на что давить. Как говорил персонаж одного рассказа: «Мать моя, двуликий Асус!»

— Ладно, не хочешь работать, не работай. Ты хоть и на устаревшем сокете, но у нас в наличии есть такая системная плата. Правда, не Асус, а Эмсий.

А затем я уже с улыбочкой наблюдал, как корпус заходит ходуну.

— Апчхи! Какой-то Эмсай?! Да чтобы меня променяли на такую гадость, да ни за что! Апчхи! А ну мигом включай меня! Я — Асус, и я вас всех переживу!

Ну вот, все готово. Когда я оглянулся, то увидел, что меня уже ожидают ноутбуки для ремонта. Я вздохнул. Что я там говорил про наличие работы? Я бы лучше на месте посидел. Вот такие мы непостоянные создания под названием «люди».

По сути, почти все мои ремонтные процедуры можно описать несколькими мини-историями. И вот первая из них.

Первый пациент. Ноутбук фирмы «Леново». Я взглянул на квитанцию. Итак, в чем проблема? Ага, «не включается». Коротко и ясно. Подключив зарядное устройство, нажал кнопку старта. Все пока что нормально, вот уже эмблема Windows. Но проходит пара секунд, и перезагрузка.

Я дождался вновь появления эмблемы, и аккуратно постучал по ней пальцами. Тут же из нее выбрался небольшой человечек и стал топтаться на клавиатуре. Коротко стрижен, одет в костюм, носит очки. Если кто не догадался, то это была уменьшенная копия Билла Гейтса. А это означало то, что Windows на этом ноутбуке лицензионная.

Билл приветствовал меня кивком, я ему ответил, затем он огляделся и спросил:

— Клиентов не видно?

Я лишь покачал головой. Снова затишье, только ремонт.

— Ага, замечательно, — с этими словами он достал откуда-то из-за экрана малярную кисть и банку с краской.

— Так все же в чем проблема? — спросил я у него.

Билл обернулся и ткнул в меня кистью:

— Давно работаешь?

Я пожал плечами:

— Почти три года.

— Во-о-от, — протянул он. — Тогда ты должен понимать, что люди в большинстве своем не отличаются умом и сообразительностью, в отличие от той небезызвестной птицы.

Мне оставалось только хмыкнуть. Мы с Сергеем часто это обсуждаем, только в его устах это звучало гораздо менее лицемерно, чем у Билла.

На экране тем временем появился синий облачный фон, и Билл со всем старанием начал выводить на нем букву.

— Вот здесь во весь экран было написано: «Идет обновление, пожалуйста, не выключайте питание компьютера»! Белым по синему! Так сложно следовать такой простой инструкции?!

Когда он в ярости перестал вырисовывать всякие ругательства на синем фоне, спустив пар, то сразу исчез. В принципе, все ясно, придется откатывать систему до заводских настроек. Я потянулся к рабочему телефону и набрал номер клиента. Нужно было узнать, есть ли какие-нибудь данные для сохранения или нет.

Второй ноутбук, на этот раз «Самсунг», был с похожей претензией. Только вот в этот раз загрузка доходила до другого этапа. Черный экран и курсор посередине. Я знал, что нужно попробовать в первую очередь, но решил все же узнать подробности.

Снова стук по эмблеме. И некоторый шок от увиденного. На месте

типичного окна Windows появились резные ставни, которые спустя секунду распахнулись, предоставив моему взору милостивую старушку. Я что, старую советскую сказку смотрю?!

— А где Билл? — удивленно спросил я.

Бабуля укоризненно погрозила мне пальчиком:

— Что ж ты, внучек, даже не здороваешься?

Я даже поперхнулся от неожиданности:

— З-здравствуйте.

— И тебе не хворать. Чегой-то тебе надобно?

В голову почему-то ударила мысль-вопрос: «А Билли выйдет?», на что бабушка ответит отрицательно, а я попрошу бросить мяч. Господи, ну что за ересь лезет в голову.

— А разве здесь не лицензия должна стоять?

Старушка покачала головой:

— Вот чего не знаю, того не знаю. Я уже здесь не первый год. Я хоть и старенькая сборка, но вполне рабочая. И не смотри на меня так, внучек! Я уже в те времена ставилась, когда ты еще о «яве» ничего не слышал, лишь иногда видел в игрушках телефонных!

Нет, что сегодня за день такой? Сперва своенравная материнская плата, теперь эта система. Но, заметив мою кислую мину, старушка сменила гнев на милость.

— Не вешай нос. А ответы свои ты получишь у хозяина.

С этими словами она закрыла ставни. Да уж. Ладно, задам я ему свой вопрос. К тому же он уже пришел в магазин, хотя было сказано, что мы сами позвоним после ремонта.

Пока еще ничего не сказав, я перевернул ноутбук и вытащил из него батарею, затем поставил ее на место. Вот теперь все, никакого черного экрана, а рабочий стол. Все работает.

Как потом выяснилось, мужик просто на кнопку нажимал при включении компьютера. Ему еще повезло, мог бы жесткий диск повредиться, но тогда бы мне об этом сообщила старушка.

Следующий ноутбук пришлось обслуживать вне очереди. Пришла светловолосая девушка и с порога спросила, чиним ли мы ноутбуки? Глупый вопрос, учитывая, что я сидел за столом, обставленным этими аппаратами.

Учится на бухгалтера. Ручка, калькулятор и огромное количество документов над головой недвусмысленно намекали на это. Говорит, сильно зависает устройство, а ей срочно нужно курсовую доделывать. Я уж хотел спихнуть ее на Серегу, но тот оформлял кредит. Ладно, думаю, не к спеху же мне доделывать оставшиеся ноутбуки.

Девушка открыла сумку и достала ноутбук, протянула его мне. Я чуть было не засмеялся, но вовремя успел закашляться, шифруясь. Серега бросил на меня удивленный взгляд, но тут же заметил ноутбук. На его лице появилась понимающая улыбка.

Просто весь ноут был в стразах. Слоя в три. Первый раз, когда был подобный пациент, я просто проявил огромную выдержку, не засмеявшись. Но тогда я отдал его Сереге, а сам пошел в подсобку, якобы по важным делам. Он фишку просек, а вот клиентка нет. И слава богу.

Уже включив «Эйсер» (а именно этой фирмы был пациент), я сразу понял, в чем проблема — вирусы. Как я догадался? А просто из-под клавиатуры выбрался маленький стилизованный червячок с огромными глазами. Он попытался прошмыгнуть в один из магазинных компьютеров,

но не успел. Щелчком я отправил его в непродолжительный полет. С криком он приземлился прямо в урну. Трехочковый!

Девушка захлопала ресницами:

— Что это было?

— Вирус. Так называемый «червь». Про этот ничего не скажу, в чем его вред, но ясно, что ничего хорошего.

И тут с жутким скрипом мимо меня проехал деревянный конь с колесиками. Он абсолютно не обращал на меня никакого внимания. Я кашлянул. Тогда он со скрежетом повернул ко мне голову, и в его деревянных глазках зажегся неприкрытый страх. Он дико заржал, встал на дыбы, чуть не перевернувшись, и попытался ретироваться. И ему это почти удалось, но я его успел схватить, после чего отправил в ту же урну к червяку.

— А это был «троян». Ладно, можете идти пока, это надолго. Лечение от вирусов дело затяжное.

Девушка подняла на меня умоляющие глаза:

— А можно как-нибудь побыстрее? Мне завтра все сдавать, а работы еще валом. Пожалуйста.

Я вздохнул. Не люблю, когда просят сделать что-либо побыстрее. Вот не люблю и все тут. Но здесь, как говорится, можно понять ее. Сам когда-то был студентом. И прекрасно помню, что такое день до сдачи курсяка. Ну как день, уже три часа ночи, а тут краски в принтере заканчиваются. Что делать? Тогда я сам справился, а сейчас ей не на что надеяться, только на меня. Ладно, смогу.

— Хорошо. Только вот зрелище будет не из приятных.

Блондинка удивленно посмотрела на меня, но никак не прокомментировала.

Я же взял ноутбук и положил его на небольшой столик, весь увитый множеством ремней. И ими же я обхватил аппарат, оставив открытой только экран. Достал перчатку и надел ее на правую руку. А затем просто, без замаха, ударил кулаком в центр матрицы. Девушка от неожиданности вскрикнула, в ужасе наблюдая за моими манипуляциями.

Но бояться было нечего, я ничего не разбил. Рука погрузилось в некое пространство, словно в другое измерение. Несмотря на перчатку, кожу ощутили покалывало. Не хотят вирусы так просто сдаваться, но это все мелочи, мне нужно сердце заражения.

Рука погружалась все глубже и глубже, вот уже по самое плечо я проник внутрь. Ага, вот оно! Я ухватился за нечто склизкое и резко дернул. Я отыграл свою руку по локоть, но на этом успехи кончились, ведь дальше продвинуться не получалось. Понимая, что застрял, я уперся одной ногой в стену и вновь потянул. Ни черта! Вообще ноль эффекта. Тогда в дело вступила и вторая нога. Да уже, зрелище было то еще! Но я чувствовал, что сантиметр за сантиметром я вырываю эту гадость.

Последний рывок, и вот я уже с шумом валюсь на пол. Серега откуда-то из-за стола спрашивает:

— Эй, ты как там?

Я победоносно поднял правую руку, в которой сжимал черный комок программного кода:

— Все пучком!

А этот пациент с чем? «Чистка ПО», ага, снова вирусы. Но загрузилсь без проблем. После чего во весь экран вылез баннер с полуобнаженной девицей.

— Милый, позвони мне! — томно произнесла она, указывая голой ножкой на номер телефона.

— Да отвали ты, я сразу направил курсор на крестик, но не тут-то было. Девушка схватила его и спрятала его в объемном декольте. Мои брови изогнулись. Такой подлянки я никак не ожидал.

— Нет, дорогой, я так не играю.

— Верни обратно.

— А ты отними! И накажи меня!

Я даже не стану говорить, что она делала в сопровождение этих слов. А вот то, что некоторые клиенты уже косились на меня, мне не очень нравилось.

— Ладно, действуем иначе.

Вокруг меня стали появляться искры. Небольшие, но их сил мне хватило, чтобы попытаться пробить защиту баннера. Я протянул ладонь к экрану и ткнул пальцем в крестик. Но тут эта чокнутая схватила меня за руку и намертво в нее вцепилась!

Я потянул ее обратно, и девушка выбралась вместе с ней. Я потряс ладонью, но та даже и не думала падать.

— О да, таких необъезженных жеребцов у меня еще не было!

Краска залило мое лицо. А тут еще Серега просто от смеха чуть ли не по земле катался. Я же обхватил свободной рукой этот вирус за пояс и с силой потянул вниз.

— Ммм, любишь по-жесткому?

Я уже тихо матерился сквозь зубы. Ладно, будет тебе, будет. Я достал из тумбочки ножницы, и поднес их к ней.

— Либо ты отпускаешь меня, либо тебя сейчас на две части разрежу!

Девушка сразу же стала серьезной:

— Ну, ты чего такой злой? Я тебе расслабиться предлагаю, а ты сразу за ножницы хватаешь, варвар.

После чего она просто прыгнула на стол и вальяжной походкой направилась обратно в ноутбук. Но на ее пути появились ножницы, указывающие путь на урну.

— Мужлан! — именно с этим криком она летела вниз.

— Проститутка! — не остался я в долгу.

— А ты, судя по тому, что отказался от звонка, так вообще гей!

— Ах ты ж! — теперь я ее действительно собирался на кусочки порезать. Но на дне урны скучали только червь да конь. Куда она делась? Что самое странное, и баннер-то исчез. Ладно, будем считать, что проблему я вылечил. Хоть и противно. Каково это, переругиваться с баннером?! Так еще и последнее слово за этой девушкой!

Последний ноутбук. Только включил, так тут же увидел синий экран. Абсолютно все синее, только оттенки разные. Синее море, синее солнце, синие пальмы. На берегу стоит лежак, на нем худой силуэт в синем балахоне. В костлявой руке держит бокал с трубочкой, из которого потягивает что-то питьевое. А рядом в синий песок воткнута коса.

— О, привет!

Силуэт помахал мне свободной рукой. Затем отложил бокал и поднял над своей головой небольшой экран. Вы не поверите, но синий! И это был так называемый «синий экран смерти». Он высвечивается на компьютере из-за неисправностей в системе либо железе. А код, который на нем высвечивается, сообщает, в чем проблема.

— Думаешь, я отсюда вижу, что там написано?

В ту же секунду силуэт исчез, чтобы в ту же секунду оказаться прямо рядом с матрицей ноутбука. Черепушка под капюшоном ослабилась, костлявый палец постучал по экрану с той стороны, и затем раздался хриплый голос:

— Семь дней... Тьфу! В смысле, семь б!

Не думайте, это Смерть не про группу отечественную, а про код ошибки. Самый распространенный, между прочим. Вариантов тут немного, но я лучше уточню.

— Жесткий диск?

— Ага, — ответила компьютерная Смерть, потихоньку попивая коктейль.

— Ты уверена? Может, дело в операционной системе?

Смерть даже как-то обиженно уставилась на меня:

— Чувак, мы же с тобой не первый год работаем. И что, ты мне не доверяешь? Я же, в самом деле, компьютерная Смерть! Да я на этом собаку съела! И не только собаку!

Ясно. Впрочем, я и грешил изначально на жесткий диск. В принципе, его бы не помешало протестировать, ну а смысл? По словам клиента, ноутбуку уже несколько лет, и в нем ничего не менялось. Значит, время жесткого диска уже пришло. Неспроста же сама Смерть с экраном своим появилась.

— Можно задать вопрос? — меня это уже давно гложило, так что лучше сейчас спросить.

— Валяй.

— А ты с настоящей Смертью как, работаешь? Или же контактируешь?

Мне кажется, или же череп сейчас действительно немного поморщился?

— Не, мы в разных конторах работаем. Иногда пересекаемся, когда какой-то кретин полезет мокрыми руками во включенный системник. И никак не контактируем, она слишком у себя на уме. Она же, хе-хе, по сути гуманитарий, лично является ко всяким ученым, поэтам и прочим. А мы с тобой технари! Куда нам до них.

Я лишь хмыкнул в ответ:

— Ладно, буду работать дальше. До встречи.

— Ага, бывай.

Вот и все, остался лишь час на работе, и домой! Клиентам с последним ноутбуком я позвонил, теперь у них новый жесткий диск, на который я сейчас сбрасываю информацию со старого. На это ему хватит сил.

Сейчас я один на работе. Сергей поехал за женой, подъедет только под конец моего рабочего дня. Бухгалтерша наконец-то срулила, и теперь я могу спокойно слушать то радио, которое не вызывает рвотных позывов.

Никого нет. И я даже в такт мелодии взмахиваю рукой. Думаю о новом своем рассказе. А я разве не говорил? Люблю побаловаться сочинительством на досуге. Но, тс-с-с, никому ни слова! Я же технарй!

Тем временем фотографии перекочевывали на новый жесткий диск. М-да, что только люди не снимают. Хочешь, не хочешь, но ты увидишь фотографии, когда копируешь их. Сколько компромата я уже повидал.

И сейчас вот опять двадцать пять. Но я уже ничему не удивляюсь, привык. Это вон другой сотрудник может специально искать подобные фотки, а мне плевать. Скопирую, и черт с ними. Ну, увижу несколько фоток в неглиже, и что теперь? Сказали сохранить, я и сохраняю.

Некоторые фотки, особенно самые пикантные, заметив меня, с виз-

гом бросались науток. Или же вообще скрывались. Буквально. Просто меняли атрибут отображения. Но от меня так просто не уйдешь! Сегодня будут скопированы все!

Тут вдруг хлопнула дверь. Вначале я подумал, что это Сергей, но нет, это оказалась весьма милая девушка. Короткая стрижка, узковатый разрез глаз, вот только цвет не скажу, зрение у меня не очень. Деловой стиль одежды, что мне очень импонирует (может, я фетишист?).

В голове пронеслись строки:

Нивы сжаты, рощи голы,
От воды туман и сырость.
Колесом за сини горы
Солнце тихое скатилось.

Так, что это еще? Я не знаю этих строк. Но тут же ясно отпечталось, что это Есенин. Она что, поэт? В моем взгляде мелькнуло некое восхищение. Ну, надо же. И в ту же секунду я насторожился. А что если я сам подобным образом могу спалиться? Не, бред какой-то.

Девушка приблизилась ко мне. Допустим, я узнал, что она поэт. А по профессии? Тут же раздался щелчок, словно старый полароид сделал фотографию. И тихий шелест только что отпечатанной фотки. Журналист? Или фотограф? Впрочем, одно другому не мешает. И память, как я понимаю, фотографическая. Почему я это понял? Щелчок раздался в ту секунду, когда она посмотрела на меня.

- Чем помочь? — дежурная улыбка вышла не очень дежурной.
- Можно у вас документ распечатать?
- Можно.

Девушка протянула мне флешку. Пара секунд, и вот уже драйвер установлен, и я открываю каталог. Несколько документов, папок, она тут же указывает на типичный документ майкрософт ворд номер хрен знает уже какой по счету.

- Что-то вроде реферата, не знаю. Но вот текст посъезжал нещадно.
- У вас все сместилось.

Девушка удивленно посмотрела на меня:

- Ой, а почему?
- Видимо, у вас другая версия офиса, вот и итог.
- А можно исправить?

Хм, обычно мы таким не занимаемся, лишняя трата времени. Но почему бы не помочь красивой да еще и творческой девушке? К тому же все равно клиентов нет.

- Сделаем.

Я уже собирался начать самостоятельно все отредактировать, но тут девушка сама попросила клавиатуру и мышку. Я лишь пожал плечами, подвигая их к ней. Видимо, постеснялась, не знаю.

Но как только она начала все редактировать, как буквы со смехом стали разбегаться от курсора, как от огня. А некоторые вообще выпрыгивали с экрана и стали носиться по магазину. Девушка покраснела, пробормотала смущенное «извините» и стала пытаться их поймать.

Я же поднялся из-за стола и оглядел магазин. Мало ли, может, кто пришел, пока я с ней разговаривал, а я и не заметил. Но нет, никого. Тогда я набрал побольше воздуха в грудь и заорал:

— А ну мигом все встали в строй! Иначе я вас всех к чертям отформатирую!

Буквы с ужасом помчались обратно, ведь я не шутил. И спустя всего лишь несколько секунд, документ уже был в полном порядке. После чего задрожал принтер, из которого страница за страницей выходили необходимые документы.

Девушка с благодарностью приняла от меня горячие после печати листы и флешку. Спросила еще, сколько должна за, так сказать, редактирование, но я лишь махнул рукой.

— А... — только начал я, собираясь спросить ее имя, как тут же у нее зазвонил телефон, а в дверь зашел очередной клиент.

Когда я все-таки продал ему мышку, девушки уже и след простыл. Черт подери. М-да, надо было действовать быстрее!

Хотя я тут же успокоился. А на лице появилось некое подобие улыбки. Детали, вот на что нужно обращать внимание. Флешка называлась «Ирина». Не понимаю тех, кто переименовывает флешки, сам таким никогда не занимался.

Но знания имени недостаточно. Ладно, едем дальше. Новый документ, созданный именно этой ночью, в три часа. Я запомнил характеристики его. Вес небольшой, и знаков мало. Стихи? Возможно. Последние изменения были внесены спустя несколько минут от создания. Значит, скорее всего, девушка просто напечатала их, а написаны они были на бумаге. Логично? Наверное, мне до Шерлока, ох, как далеко.

Нет, это все не то. А потом я чуть не засмеялся. Господи, ведь все же гораздо проще! Я хоть флешку отдал, но документ остался открытым на рабочем компьютере. И уже там я узнал, что ее зовут Ирина Валиева. Теперь дело техники.

Тут уже подъехал Сергей. Я взглянул на часы. Без пяти шесть. Может уже собираться домой.

Станислав Ржевский

ОНЕЙРОИД

Онейроидное состояние (от греч. óneiros — сновидение и éidos — вид), — вид помрачения сознания; проявляется сочетанием ярких фантастических образов, грезоподобных переживаний с фрагментами восприятия реального мира, а также диссоциацией между содержанием последовательно развивающихся (как в сновидении) фантастических событий...

На исходе зимы он ощутил, что стоит на краю гибели. Он был крайне истощен, и реальность уже ускользала от расстроенных чувств. Раньше он одурманивал свое сознание алкоголем, чтобы забыться, отрешиться от безрадостной действительности, но постепенно окружающий мир сам собой начал скрываться за пеленой подкрадывающегося безумия и хмельные напитки стали без надобности.

Днями он бесцельно бродил по городу, не глядя на встречных и не здороваясь, если вдруг окликали знакомые. По ночам закрывался в сво-

ей комнате и, упав на кровать в верхней одежде, погружался в тягостное пространство между явью и сном, с потоками спутанных мыслей уносясь прочь от реальности.

Как же он дошел до такого состояния?! А ведь еще три года назад душу переполняли творческие амбиции, он писал стихи и прозу, переводил иностранные произведения, надеялся на публикации и признание. В литературных кругах появилось много интересных знакомств, и будущее виделось в самых радужных тонах...

А теперь его прибежищем служила маленькая комнатка в старом, обветшавшем доме, и рядом никого — один на один со своим расстроенным сознанием. Тщетны были вопросы, отчего судьба так жестоко обманула его, едва приоткрыв дверь в счастливую жизнь, и — повергла в бездну. Истощенный разум не обретал ответа, и с каждым днем неприятие повседневности все усиливалось. Он уже стал поглядывать на разбросанные по столу ножи и лезвия и думал, не прекратить ли по своей воле это безрадостное, безысходное прозябание. И кто знает, к чему бы привели такие намерения, если бы не случилось нечто...

Однажды ночью, лежа в бредовом полусне и утопая в обрывках бессмысленных скоротечных видений, он услышал голос, зовущий его по имени. С трудом открыв глаза, увидел фигуру склонившегося над кроватью человека. Выглядел гость очень странно — на нем было старомодное пальто словно из какого-то давнего времени. Внимательнее присмотревшись к пришельцу, бедняга вздрогнул: столь жуткое впечатление производил этот облик — худое лицо с правильными чертами было мертвенно-бледным, и только глаза горели жутковатым блеском.

Опешив, несчастный писатель попытался встать, но тело не подчинилось, попробовал что-то сказать, но не смог. И лишь после нескольких попыток ему все же удалось сбросить наваждение и прийти в себя — да нет, один в пустой квартире, ночной гость оказался очередным видением, хотя поражало, что тот как живой еще недавно стоял посреди комнаты и можно было разглядеть, как на острые плечи падает из мутного окна тусклый свет.

Весь следующий день он ощущал некое отрезвление чувств, даже удалось собраться с мыслями и проанализировать увиденное ночью. Образ посетившего его человека казался знакомым — но где же, где встречал он это лицо?! Наконец, порывшись в мешках, в которых лежали книги, составлявшие основную часть его скромной собственности, он нашел маленькую старую брошюру со стихами поэта, жившего в конце позапрошлого века. На титульном листе был портрет, и одного взгляда хватило, чтобы узнать ночного визитера.

Но почему этот образ явился ему теперь? Что знал он об этом поэте?.. Пришлось заново прочесть книжицу, дабы освежить память. В самом деле, было время, когда он страстно увлекся творчеством этого человека — загадочными, мистическими стихами весьма мрачного свойства. В предисловии было сказано, что после успешного начала литературной карьеры автор пережил духовный кризис, его перо все чаще стало обращаться к потустороннему миру и его темным сущностям, стихи сделались пессимистическими, жизнеотрицающими, и в них выражалось крайне парадоксальное для творческого человека желание полного забвения собственной личности. В итоге поэт сошел с ума и умер еще молодым. Конкретные причины произошедшего несчастья в книге не указывались.

С тревогой и интересом перечитал наш герой знакомые строки, написанные якобы от лица демонических обитателей *того* мира, спорящих с породившим и отвергнувшим их божеством. Поистине, казалось, что в этих стихах явлены дьявольские откровения, которые могли быть порождены только больной психикой либо сверхтонким восприятием, сумевшим заглянуть за грань бытия.

Прочтенное вновь заставило крепко задуматься; неудачливый писатель начал проводить неизбежные параллели между собственной жизнью и судьбой этого странного творца родом из позапрошлого столетия, сиюсье понять, что за злой рок губит иных творческих личностей и неужели успех на этом поприще неизменно оборачивается несчастьем?..

Некогда им тоже владела необъяснимая тяга к потустороннему — окружающий мир перестал интересовать и вдохновлять, а все размышления и душевные порывы были обращены к фантастическим реалиям, рисуемым в религиях и оккультных учениях. И чем больше углублялся он в постижение этих материй, тем сильнее росла неприязнь к миру земному.

Жизнь в человеческом обществе начала казаться мелочной, бессмысленной и бездуховной; к себе манили иные горизонты, обещавшие открытие сокровенных тайн бытия. В итоге возникло сильнейшее неприятие существования в материальном мире и презрительное отношение к собственному телу, казавшемуся теперь «темницей для души». Стремясь вырваться восприятие из оков земного бытия, он стал прибегать к алкоголю и дурманящим веществам, практиковать медитативные опыты над своим сознанием.

И естественно, его социальные контакты обрывались; он постепенно отстранялся от общества, уходя в мир сумрачных грез. Пренебрежение материальной стороной жизни повлекло за собой нищету и лишение здоровья и сил для заработка на хотя бы более-менее сносное пропитание. Романтические чувства к любимой женщине обернулись разочарованием, ибо оказались совершенно оторваны от реалий царящих в обществе человеческих взаимоотношений. Так он остался один в этой жалкой комнате, в окружении старых книг и своих рукописей со странными стихами и отрывками не менее странной прозы...

Через несколько дней, когда эти мысли уже перестали его занимать, ночной визит повторился. И на сей раз видение не оборвалось в первые же секунды. Едва фигура призрачного посетителя приблизилась к кровати, сновидец снова попытался встать, но вместо привычных ощущений почувствовал нечто необычное — словно его тонкая сущность отделяется от тела, становясь чем-то прозрачным и невесомым. Из темноты донесся голос, глухой, но уверенный:

— Ты только плывешь по течению... Хочешь увидеть истоки? Следуй за мной...

Гость направился к двери, а ошеломленный сновидец дернулся в его сторону и... погрузился в вихрь красочных, проносившихся словно в калейдоскопе видений. Его вмиг окружили гротескные, пугающие образы, отчего-то кажущиеся знакомыми, — словно все это время они подспудно созревали в самых потаенных закоулках подсознания.

Раньше ему часто снился родной город, но в несколько ином обличье. Во сне появлялись улицы, которых не было в действительности, дома приобретали причудливый вид, на месте водохранилища извивалась река. И теперь, ступая за своим призрачным проводником, он очутился на ули-

цах этого города-двойника и смутно узнавал некогда снившиеся ему дороги и здания.

Сперва их путь казался бессмысленным, но вскоре ощущения стали меняться — при виде знакомых и в то же время удивительных улиц в памяти стали всплывать забытые события и мысли. Он начал вспоминать свою юность, томительное чувство загадочности бытия, бесконечные вопросы, ответы на которые он пытался найти в философии и религии, но в итоге обрел лишь разочарование.

От центра города дорога шла к периферии. Вот они оказались на огромном заводе, ангары и здания цехов которого составляли лабиринт, казавшийся бесконечным. Двигаясь среди серых стен, металлических дверей и громоздких приборов непонятного назначения, они искали выход на улицу, невольно наблюдая безостановочную работу, — в этих цехах что-то производилось и перерабатывалась, несмотря на запустелый вид. И эта картина тоже казалась знакомой — писателя с детства притягивали такие места, он любил наблюдать за работой механизмов и гулять в окружении индустриальных пейзажей. Однако здесь явно чувствовалось нечто иное — казалось, что этот завод является своего рода «фабрикой мыслей», чьи действия обеспечивали сложнейшую работу его сознания.

И вдруг... они оказались за городом. И чем дальше уходили от заводских цехов, тем пустынное и непригляднее становилась местность. Вокруг простирались пыльные пустыри, поросшие бурьяном и заваленные грудками металлолома: ржавыми обломками машин и механизмов, многие из которых были сожжены, словно танки на поле боя. Земля сделалась неровной, изрытой воронками, будто оставшимися от взрывов, и покрытой черными выгоревшими пятнами.

Вновь послышался голос спутника:

— Желаете увидеть начало? Иди дальше!..

Вокруг потемнело, солнце скрылось с небосвода, в воздухе разлилась чернильная мгла. С каждым шагом становилось все тревожнее. Вскоре их окутал мрак, лишь кое-где разрываемый разбросанными по пустырю кострами, которые источали едкой, удушливый дым. Меж этих огней бродили фигуры, похожие на людей, — но различить лица было невозможно, не лица, а размытые пятна.

— Это еще не наша цель, но мы на верном пути... — резко прозвучал голос проводника.

И вот они приблизились к краю огромного кратера и остановились, вглядываясь в бездну, на дне которой вспыхивали зловещие языки пламени. Проводник повел рукой вниз.

— Хочешь узнать глубину? Сделай один шаг — и...

Замерев на мгновенье, странник сновидческого пути посмотрел в жерло кратера и испытал и ужас, и непреодолимое желание устремиться в эту бездну. Он не смог удержаться на краю и рухнул в бушующее пламя.

— Там то, чем ты жил, к чему стремился... — звучал вослед угасающий голос.

...Стремительный полет и непередаваемое ощущение расщепления собственной личности. Казалось, что его одновременно пронзают множество потоков, несущих образы, существующие каждый в своем времени. Там были обрывки давнего прошлого, детские сновидения и почти забытые некогда ярко пережитые эмоции. Потоки восприятия мчались с немыслимой скоростью, перепутывались и обрывались, рождая жуткие

химеры. Перед ним пронеслись фантастические сцены из какой-то неземной жизни и существа нечеловеческого облика.

Однако через некоторое время пестрый хаос видений стал отступать, образы упорядочивались, выстраиваясь в некую устойчивую конфигурацию, и писатель ощутил, что находится в мире зарождения своего творчества, среди истоков мыслей и грез. И сейчас этот мир оказался глубоко поврежден, распадался на осколки, а подступающий хаос был готов поглотить его. И вдруг...

И вдруг все замерло, остановилось. Он — в пустоте, один на один со своими чувствами, которые стали гораздо тоньше и яснее. Он понимал, что находится где-то далеко от земной жизни, но должен, непременно должен в нее вернуться. Только так ему удастся спасти свой гибнущий мир...

Видение рассеялось, перед глазами постепенно стал проявляться свет солнца. Его лучи падали в комнату из единственного окна. Сколько же времени он был погружен в эти невероятные грезы? С трудом поднялся с кровати, подошел к зеркалу и увидел свое лицо — бескровно-бледное, хранящее отпечаток пережитого ужаса. Сердце бешено колотилось, словно желая выскочить из груди, губы пересохли, а в ушах раздавался раздражающий тонкий писк.

Постепенно мысли прояснялись, хотя течение их было еще сумбурным. Он поднял с пола книгу с некогда так поразившими его стихами и снова взглянул на портрет их автора. Да, почти таким тот и был в их безумном странствии, только не живым земным человеком, а жуткой призрачной тенью.

Какими же дорогами водит человеческий дух химера творчества? Вставая на этот путь, трудно представить, как переплетутся творчество и судьба и какие последствия может иметь безответственное отношение к своим произведениям.

Ему захотелось стать сильнее и чище, чтобы однажды суметь подать этому обреченному творцу руку и вывести его из сумрачных лабиринтов. А пока тот будет провозжатым для слабых душ, и его книги будут вести к краю пропасти новых людей. Но чем помочь давно почившему творцу? Разве что, узнав правду о его жизни и муках, его пути к духовной гибели, поведать о том мире, чтобы отвести беду от других...

Да-да, только так и не иначе, а потому сейчас как никогда нужен трезвый рассудок, дабы выполнить свой долг перед некогда бесславно ушедшим из жизни творцом. Ему казалось, лишь это сможет вернуть того из пропасти безумия.

Он принялся наводить порядок в комнате, действуя по мере своих истощенных сил. Господи, до какой же степени деградации он дошел за последние месяцы! Везде валялись листы и обрывки бумаги со строчками его лихорадочного творчества. Сперва он хотел выбросить их, как прочий мусор, но все же собрал и сложил в стопку, засунув ее в дальний угол.

Быть может, придет время, когда это еще пригодится в качестве отвлекающего напоминания о том кошмаре, в который однажды превратилась его жизнь. Сейчас же ему хотелось поскорее надеть чистую одежду и покинуть эту опостылевшую комнату, выбежать на улицу. Только теперь он осознал, что, оказывается, закончились холодные снежные дни и наступила новая весна.